

Социального заказа на новую журналистику нет

Светлана ШАЙХИТДИНОВА, Казанский государственный университет

Хочу привести один конкретный пример, связанный с журналистским образованием, так как здесь затрагивались эти проблемы. Начну с того, что в 1998 году у нас проходила конференция под названием "Правозащитные организации. Журналисты и технологии взаимодействия". И в рамках этой конференции было проведено социологическое исследование местных газет в Татарстане, которые освещают защиту прав человека. Тогда были сделаны выводы о том, что местные журналисты довольно активно поднимают проблемы простого человека и на телевидении, и в прессе. Везде нашлись какие-то сюжеты, в основе которых была защита маленького человека. По прошествии двух лет были в очередной раз осмыслены данные исследования, и наши социологи, намереваясь продолжить эту тему, пришли к выводу, что смысловой дискурс "права человека" журналистами не формируется.

То есть проблемы милосердия, социальных прав поднимаются, но конструирования реальности вокруг слов "права человека" как такового в нашей местной прессе нет. И в этом плане публичный дискурс, который должен формировать журналист, не формируется. Журналисты должны словосочетания "права человека", "гражданское общество" и т.д. сделать общезначимыми, чтобы люди знали, какой смысл вкладывается в эти понятия. Журналисты – первый субъект такой деятельности, правозащитники – второй субъект, и третий субъект – это преподавательский корпус. Поскольку я работаю на кафедре журналистики, я приведу пример формирования подобного дискурса в рамках одного проекта.

Проект родился в Москве усилиями людей, которые имеют педагогическое образование, и поэтому название было несколько романтическим (не ручаюсь за точность): "Через приобщение школьников старших классов к знаниям о средствах массовой информации приобщить их к пониманию проблем гражданского общества, СМИ и гражданского общества". Было три площадки: в Москве, в Рязани и в Татарстане – в селе Большие Ключи Зеленодольского района. Туда еженедельно ездили несколько человек: журналисты, которые проводили мастерские, и преподаватели, которые читали лекции. Перед этим у нас был семинар с учителями школ этого района, на котором мы выяснили, что обществознание здесь преподают учителя, которые одновременно ведут физкультуру. Мы старались адаптировать для школьников материал об обществе, о людях, о гражданах. К декабрю у нас со школьниками уже начались дискуссии. И, в конце концов, ребята стали мне рассказывать, что у них тут почти комендантский час. Тогда была такая кампания по борьбе с терроризмом: после девяти вечера старшеклассникам не разрешалось выходить на улицу, никаких дискотек, ничего прочего. Милиция задерживала их и доставляла буквально по домам. Считалось нормальным, что директор выворачивал карманы их верхней одежды и проверял, что там лежит, и т.д..

Проект должен был закончиться в марте защитой практических работ, где ребята показали бы себя как граждане. Мы решили сделать один общий проект, который имел бы целью поставить перед администрацией вопросы о защите прав школьника, создать какие-то органы самоуправления в школе и таким образом, по сути, решить проблемы, которые ставились в рамках нашего проекта. Мы сказали, что можем обеспечить поддержку из представителей республиканских газет, чтобы за ребятами была пресса. Можно созвать общее собрание с участием журналистов, начать диалог с администрацией и т.д.

И после того, как мы об этом поговорили, у нас проект застыл: такое вот

"взаимопонимание" с администрацией. И получилось так, что мы тут оказались в роли отца Гапона: детям еще нужно закончить школу с хорошей характеристикой, у директора очень много возможностей для того, чтобы их отправить в периферийные школы, которые совершенно не пользуются авторитетом, и это плохо скажется при поступлении в вузы, родителей могут привлечь и будет скандал, дети себе очень навредят. То есть получилось, что нашими лекциями и рассуждениями о правах человека мы просто портим ситуацию в школе. В общем, нам пришлось отступить. Пришлось договариваться с администрацией и выходить на школьные работы, которые прозвучали как доклады о проблемах экологии.

Этим примером я хочу показать, что журналисты, которые формируют дискурс прав человека и гражданского общества, находятся примерно в такой же ситуации. В обществе нет социального заказа на это.

Несколько дней назад в Казани прошла международная конференция с приглашением представителей правозащитных организаций различных уровней. Эти представители чинно посидели в Большом зале, о чем-то поговорили, все это осветили в новостях, публике, которая там стояла с плакатами, задавали вопросы: "А что такое права человека? Защищаются ли они?" – "Да, защищаются" или "Нет, не защищаются". И цикл был как бы замкнут. То есть явления эти абсолютно самодостаточны, и невозможно, по сути, выйти на общественность, а если и выйдешь, то тут же тебя заставят шагнуть обратно.

И возвращаясь опять же к образованию журналистов, хочу сказать, что студентов— журналистов формирует практика. Однако проблема заключается в том, что у нас нет общеобразовательных стандартов. И мы не можем их сформировать, потому что опять же нет социального заказа на единство этих стандартов, на единство технологий. Мы просто как бы отпускаем студентов, у них существует самиздат, который существовал двадцать—тридцать лет назад. Так оно и осталось, потому что нет выхода на официальную прессу.

Вот такие проблемы существуют на региональном уровне.

Реплики по поводу выступления Светланы Шайхитдиновой

И.М. Дзялошинский

Светлана затронула самую главную проблему – ситуацию в средней школе. У меня ощущение, что все наши беды закладываются там. Там формируется модель поведения приспособливающегося человека, а не человека, выдавливающего из себя что-то, о чем говорил Алексей Кириллович. И это уже навсегда, потому что дальше он уже не будет ничего выдавливать. Тут есть предмет для глубокого анализа: либо мы способствуем закаменеванию холопской системы отношений, либо мы пытаемся взорвать ее в самом низу, начиная с детского сада.

А.К. Симонов

Поделюсь одним личным впечатлением. Я думаю, что все мы – журналисты, интеллигенты, учителя, врачи – короче говоря, все, кто в конце 80–х думал о будущем, совершили грандиозную ошибку. Это была системная ошибка, и я ее признаю и как свою собственную ошибку. Надо было все бросить, не заниматься никакой журналистикой и никаким демократическим строительством, надо было идти в школы, и поскольку у нас в тот момент был определенный интеллектуальный потенциал – мало того, был еще и определенный авторитет – мы много чего могли бы сделать. Мы этого не сделали, нам понравилось ходить на митинги и с этих митингов взлетать на различный уровень демократических избранничеств. А в результате мы имеем то, что

имеем.

В этом году к Девятому мая моего сына–десятиклассника учительница попросила помочь ей провести концерт для ветеранов, написала ему текст, который он должен был произнести. Я случайно этот текст прочитал. Я с изумлением увидел что–то до боли знакомое: что–то вроде тех текстов, что писались году этак в 1948, с добавлением безграмотных благоглупостей о мирном советском народе, который во всех областях человеческих знаний и экономики доблестно достигал вершин и покорял Северный полюс (там к перелетам через Северный полюс были добавлены еще и походы к Северному полюсу на лыжах: видимо, от энергии душевной и то, что произошло примерно через сорок лет, она туда тоже записала – для полноты чувств). Я пошел на "Эхо Москвы", прочитал этот текст в эфире, откомментировал все, что мог, отплакался, отругался, откричался. Она дико перепугалась, потому что вообще не ожидала, что у кого–то может возникнуть такая реакция, она даже и не задумывалась о том, что написала.

Сына я забрал из школы сразу, немедленно. Пускай сдает экстерном. Я не хочу, чтобы он еще раз общался с этой учительницей. Я виноват – и виноват в том, что вынужден был объяснять это и своему сыну, с которым, вроде, у меня хорошие отношения и который, как мне казалось, многое понимает. Оказывается, как говорится, что ночная кукушка дневную перекукует, так и школьная кукушка домашнюю кукушку в этом смысле очень сильно перекукуывает, потому что редко кто будет говорить с ребенком дома о мировоззрении. Трудно это. Надо найти для этого время, подход. Вообще, это целая проблема. А в школе с ними на любом уроке на таком уровне разговаривают. И что из них пытаются сделать? Призываю организовать отряды самообороны.

Е.П. Прохоров

Когда я занимался идеей адекватного гражданина, прочитал две книжки по граждановедению для школ. У меня последние волосы вылезали в этот момент. Там слово "гражданин" не упоминается вообще. Там речь идет о том, как избежать того, сего, двадцать пятого, как не попасть в компанию бандитов, но о гражданстве и гражданственности – ничего.